Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 66–71. DOI: 10.17223/15617793/450/8

УДК 82 (091)

Н.Ю. Харитонова

«ПОСТОЯННО БОДРСТВУЮЩИЙ ДУХ КРИТИКИ» ПРОТИВ СТРАТЕГИЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ПИСЬМО АНДРЕ ЖИДА ПОСЛУ СССР

Анализируются письмо Андре Жида послу СССР, написанное после парижского Конгресса в защиту культуры 1935 г., обстоятельства, побудившие писателя уже тогда сблизиться с антисталинской оппозицией и поддержать призыв освободить литератора и политика В. Сержа, проходившего по делу зиновьевского центра и находившегося в ссылке в Оренбурге. Публикацию дополняет перевод письма на русский язык, выполненный в 1935 г., который сопровожден нами подробным текстологическим комментарием.

Ключевые слова: Андре Жид; франко-советские связи; Конгресс в защиту культуры 1935 г.; троцкистская оппозиция; Виктор Серж; дело Дрейфуса.

Письмо Андре Жида советскому послу во Франции Владимиру Потемкину, которое публикуется в продолжение этого материала, было написано 29 июня 1935 г., когда в летнем знойном Париже закончился Первый международный конгресс писателей в защиту культуры. Известный французский литератор, в то время занимавший просоветскую позицию, принял участие в работе оргкомитета съезда, председательствовал на нескольких заседаниях и был избран в президиум, созданной там же Международной ассоциацией писателей в защиту культуры. Обстоятельства, побудившие А. Жида обратиться тогда к советским властям, и идеи, которые он сформулировал в письме, важны не только для изучения истории международных писательских съездов и ассоциаций. Сюжет также представляет интерес в связи с поездкой А. Жида в Советский Союз и публикацией его «Возвращения из СССР» в 1936 г. [1].

Отношение писателя к СССР не обладало догматической завершенностью, а постоянно им уточнялось и пересматривалось. Конгресс писателей 1935 г. подтолкнул А. Жида к переосмыслению своих представлений о советской власти, а импульсом тому стала критика коммунистического режима, прозвучавшая на вечернем заседании 25 июня, которое он вел. Резких выступлений на парижском съезде было два: с неожиданной для советских организаторов критикой выступил итальянский социалист Гаэтано Сальвемини, а автором другого высказывания стала французская писательница, социалистка Мадлен Паз. История эпизода конгресса, связанного с защитой политика и литератора Виктора Сержа (Кибальчича), сосланного в Оренбург по так называемому делу зиновьевской группы, хорошо изучена. Этот случай с большей или меньшей детализацией изложен в современных работах С. Терони [2. P. 13–33], Р. Гримена [3], Л. Флейшмана [4. С. 332–339] и Б. Фрезинского [5. С. 35–354]. Представители Комитета за освобождение Сержа в присутствии советской делегации поставили вопрос о неправомерности его ссылки.

Советская печать обходила знаковым молчанием выступления на конгрессе, в которых критиковался СССР, его политическое устройство и отсутствие свободы слова, но современное французское издание трудов конгресса [2] позволяет восстановить картину достаточно полно.

М. Паз на вечернем заседании 25 июня обратилась к писателям, присутствовавшим на съезде и призвала их способствовать освобождению Виктора Сержа. После ее выступления состоялось обсуждение доклада, в котором приняли участие Николай Тихонов, Владимир Киршон, Илья Эренбург и немецкая писательница Анна Зегерс. М. Паз не оставляла без ответа выступления советских делегатов, что привнесло в прения дополнительный драматизм.

Н. Тихонов построил свой ответ, сделав акцент на том, что для советских писателей Серж прежде всего не писатель: «Ни я, ни мои товарищи, мы не знаем французского писателя Виктора Сержа. <...> Государственный служащий Виктор Серж, то есть Кибальчич, принимал активное участие в контрреволюционной деятельности троцкистов» [2. С. 452]. Из высказывания Тихонова следует, что Серж отбывает наказание прежде всего как государственный служащий. И хотя Тихонов прав в том смысле, что романы Сержа на русском языке в СССР не публиковались, его имя и писательская деятельность, во всяком случае, эссеистика и участие в работе Международного бюро революционной литературы, известны быть могли. Тихонов утверждал, что Кибальчич причастен к убийству Кирова, был сослан в Оренбург советским правительством как политический противник, работал в переводческой конторе и ни в чем не нуждался.

Дальнейшее обсуждение лишь продемонстрировало отсутствие общего языка у сторонников разных идеологий. Если М. Паз апеллировала к необходимости законности в деле Сержа, то И. Эренбург указывал на право революции защищаться от своих врагов, а В. Киршон заявлял о лояльности советских писателей государственному режиму и подчеркивал, что советская писательская делегация готова защищать революцию с оружием в руках и полностью поддерживает Правительство СССР во всех его решениях, т.е. и по делу Сержа. Закрыл дискуссию, которая продолжалась почти полтора часа [4. С. 338], своим словом А. Жид.

Из советской печати 1935 г. мы не сможем узнать об этих выступлениях и содержании дебатов практически ничего. После бравурного отчета о четвертом дне работы конгресса «Известия» написали о резком отпоре советских писателей «двум троцкистам» [6. С. 1]. В статье «Оборона культуры» в «Литературной

газете» упоминалась «отповедь» А. Жида, «который подчеркнул, что ничто не может поколебать веру лучших деятелей культуры в советскую страну» [10. С. 3], но этот крайне невыгодный для советской делегации эпизод был использован, чтобы подчеркнуть мировое признание СССР и неоспоримость советской политики в области культуры.

На самом деле А. Жид говорил о доверии Советскому Союзу как доказательстве любви к этой стране, а не о непоколебимости веры в нее деятелей культуры. В самом дословном переводе Жид сказал: «Было дело Дрейфуса, и речь тогда шла о том, чтобы бороться с реакцией, которая открыто демонстрировала свои дофашистские методы[1]. Это принесло ей нашу ненависть. В случае Сержа речь идет о Советском Союзе, который вызывает нашу любовь и наше восхищение. Успех Советского Союза для нас важнее всего остального, и мы не можем допустить того, что может ему угрожать. Нужно, по крайней мере, чтобы СССР понимал, что в подобных случаях доверие – это самое большое доказательство любви, которое мы можем ему дать» [2. P. 455].

Жид начал своё высказывание с упоминания дела Дрейфуса[2], стартового эпизода «истории французских интеллектуалов» [16. С. 292], по определению исследователя К. Шарля, радикально изменившего общественную функцию ученых, писателей и деятелей культуры. Именно тогда словом «интеллектуал» начали обозначать человека, связанного с культурой или творчеством, посредника, претендующего на роль политика, производящего или потребляющего идеологию [18. С. 10].

Дело Дрейфуса побудило интеллигенцию к общественной мобилизации. Речь идет не только о практике подписания и публикации манифестов, петиций и открытых писем, но и новой функции печати в процессе оформления позиций противостоящих сторон, о проведении конференций и собраний, на которых публично отстаивались и обосновывались определенные идеи. В это время во Франции появились организации, объединившие противников и сторонников невиновности Дрейфуса: первой была антидрейфусарская Аксьон франсез, а ответом на ее создание стала дрейфусарская Лига прав человека. В этом смысле глубинная суть противостояния заключалась в том, как две стороны решали вопрос о соотношении интересов государства и человека [16. С. 298], и, разумеется, дрейфусары отдавали первое место правам человека.

В период существования Народного фронта деятельность интеллектуалов, как указывает Ш. Кристоф, обнаруживает «целый ряд аналогий» с делом Дрейфуса, которые можно интерпретировать как проявления «коллективной памяти» [Там же. С. 304]. Именно в контексте традиции дрейфусарства следует рассматривать и парижский конгресс 1935 г., и дело В. Сержа, и выступления самого А. Жида [7–9]. Среди участников съезда были те, кто непосредственно был связан с движением, вызванным делом Дрейфуса: сам А. Жид, подписавший в 1898 г. призыв интеллектуалов пересмотреть дело осужденного капитана, Ж. Бенда и В. Маргерит. О деле Дрейфуса на конгрессе говорили Пьер Жером, секретарь Комитета бдительности интеллектуалов-антифашистов, и писатель Жан-Ришар Блок [2. P. 18], при этом тема звучит в высказываниях по-разному, в соответствии с тем, какое развитие получает во времени дрейфусарство и какими политическими взглядами дополняется спектр общественно-политического ангажемента интеллигенции (коммунизм, социализм, троцкизм, антифашизм, антисталинизм). Так, Ж.-Р. Блок в своем докладе провел параллели между мобилизацией интеллигенции времен дела Дрейфуса и Народным фронтом, реакционными действиями государственной машины в 90-е гг. XIX столетия во Франции (т.е. произволом и антисемитизмом) и наступлением фашизма в Европе 30-х гг.

Дело Сержа можно интерпретировать и как прямую параллель с делом Дрейфуса. С одной стороны, речь идет о несправедливом обвинении, судебном преследовании со стороны государственного аппарата и ссылке. С другой стороны, достаточно явно обозначена и общественная проблематика, связанная с делом Дрейфуса, которая расколола надвое французское общество: проблема соотношения свободы личности и интересов государства, прав человека и государственных задач. Сторонники освобождения В. Сержа выступают на съезде именно с позиции защиты прав человека, свободомыслия и свободы слова, тех ценностей, которые были предложены в качестве темы выступлений на конгрессе. Поэтому в своей ответной реплике на заявления советских делегатов, отстаивающих приоритет государственных задач СССР, М. Паз отмечала, что достойно всякого сожаления, что на съезде, проходящем под лозунгом защиты свободы мысли и слова, на самом деле отстаивается «защита зажима критики под знаком государственных соображений» [2. P. 453]. Суть полемического противостояния двух позиций по делу Сержа интерпретируется М. Паз в категориях, применимых и к поляризации французского общества по делу Дрейфуса, вылившемуся в образование Аксьон франсез и Лиги прав человека. «Дело революции», на которое ссылаются советские делегаты, является в этом случае лишь риторической формулой, за которой обнаруживается безрефлексивная апология государственной машины и государственного террора.

Однако в дискуссии была задействована и апелляция к пацифизму, который отстаивали многие французские интеллектуалы-дрейфусары, познавшие ужасы Первой мировой войны. Противоположным полюсом стал антисемитизм как знак правых сил и реакции, также непосредственно связанных с делом Дрейфуса. В 1935 г. опасность происходящего в нацистской Германии не вызывала ни у кого никаких сомнений. Поэтому вторую смысловую оппозицию высказываний участников съезда можно было бы определить как противопоставление милитаризма (антисемитизма, нацизма) и пацифизма (гуманизма, мультикультурализма) и, если продолжить смысловой ряд, Германии и СССР. На этом построено ответное выступление А. Зегерс на заседании с участием М. Паз. Немецкая писательница тогда отметила неуместность обсуждения дела Сержа, при всей его важности, на конгрессе по борьбе с фашизмом и защите СССР, потому что о

пострадавших в нацистской Германии писателях – Карле фон Оссецком, Людвиге Ренне и Эрихе Мюзаме – Паз ничего сказано не было. В полемике неразрешимо сошлись два измерения дрейфусарства, переобозначенные в новой исторической и политической ситуации.

28 июня 1935 г. Жид направился в советское посольство с просьбой назначить ему встречу с послом СССР В. Потемкиным. В. Серж в своих воспоминаниях пишет, что ему стало известно, что Жид посетил посольство вместе с Ш. Вильдраком [4. С. 339]. Встреча с послом состоялась, и, кроме того, о причине посещения посольства Жидом можно узнать из письма от 29 июня, которое писатель отправил Потемкину. В письме советскому послу он весьма старательно пытается найти баланс между декларациями своих симпатий к Советскому Союзу и критикой произошедшего. Жид пишет: «Я не знаю Виктора Сержа. <...> Я не берусь судить о его литературном таланте, который, будь он еще крупнее, здесь ни при чем. <...> Без сомнения, у СССР имелись серьезные основания считать его опасным. Поэтому я ни в какой мере не берусь защищать его или приводить доводы в его пользу. Но надо признать, что мы были неприятно задеты слабостью мотивировки советской делегации в этом вопросе»[3].

А. Жид в письме Потемкину обращает внимание на то, что советское правительство не понимает постоянно бодрствующего «духа критики» Запада и вновь приводит пример дела Дрейфуса, которое он так близко пережил. На самом деле исследователи определяют дрейфусарскую позицию А. Жида как неустойчивую и даже хрупкую. К. Шарль заметил, что писатель принял участие только в двух акциях дрейфусаров, подписав манифест интеллектуалов в защиту Дрейфуса и поддержав чествование полковника Жоржа Пикара, поставившего вопрос о том, что доказательства по делу были подделаны, но затем отказался от участия в чествовании Золя и последовательно воздерживался от публичного высказывания своего собственного мнения [22. P. 244]. Специалист по интеллектуальной истории Франции Т. Коннер полагает, что сразу после публикации обращения Э. Золя к президенту Франции 14 января 1898 г. А. Жид написал Леону Блюму, который просил его поддержать Дрейфуса, позволив ему включить свое имя в списки интеллектуалов, подписавших манифест. Однако, по странному стечению обстоятельств, до сих пор непроясненных, его подпись была опубликована с запозданием, только в девятом списке, вышедшем из печати 22 января [23. P. 178]. Коннер замечает, что А. Жид даже не счел нужным упомянуть свою поддержку манифеста интеллектуалов в дневниковых записях, а биографы писателя уверены в том, что Жиду в целом не хватало твердости духа: решение о поддержке далось ему нелегко, а потом он весьма сожалел о своих действиях. Недавно опубликованная переписка А. Жида с П. Валери также «проливает свет на неспособность Жида полностью взять ответственность за проявление приверженности делу Дрейфуса, тяготившего его» [Ibid]. По мнению исследователя, причину колебаний Жида можно усмотреть не просто в особом складе его личности, но и в том, что большинство его друзей заняли противоположную позицию. Таким образом, когда во время писательского съезда Жид в письме Потемкину вспоминает события 1898 г., он, судя по всему, имеет в виду собственные переживания, которые вызвала необходимость занять определенную общественную позицию, не свойственную его кругу, и сам факт раскола общества, предопределенного «неуклюжими действиями правительства» [23. P. 178] и судебной системы, которые и привели к публикации громкого манифеста Золя [17].

Обстоятельства, которые Жид имеет в виду, вспоминая дело Дрейфуса, и вынуждают его заявлять о своем несогласии со столь же, судя по всему, «неуклюжими» и неудобными для сторонников СССР действиями советских представителей по делу Сержа. В своем письме советскому послу Жид настаивает на том, что дело требует ответа, замалчивать его нельзя прежде всего в интересах самого Советского Союза. И хотя Жид использует тут все средства эпистолярного этикета, чтобы избежать резкой интонации, и вновь пишет о своей любви к СССР, основные идеи его письма обнажают далеко не идеалистическое, а достаточно критическое представление писателя о действиях советских представителей и, возможно, советском правительстве и его решениях.

Постепенное сближение А. Жида с кругом антисталинской оппозиции началось сразу после парижского конгресса, а импульсом к тому послужило именно дело Сержа [19]. М. Паз в письме, написанном после съезда поэту Марселю Мартине, отмечала: «Сейчас я могу сказать, что удар был нанесен неожиданно, а дело вышло наружу, после своего выступления Жид отправился в посольство и написал письмо Потемкину, а руководители конгресса <...> подавлены. Через два часа я жду визита Низана (Поля), который намерен меня поддержать, критикует поведение остальных, выражает свое согласие с Мальро и Жидом, желая встретиться со мной от имени всех троих» [20. P. 89]. Более того, М. Паз практически сразу после конгресса вступила в переписку с А. Жидом, о чем свидетельствует письмо писателя от 6 июля 1935 г., пусть и достаточно сдержанное: в нем он благодарит М. Паз за пересланное ему письмо сына В. Кибальчича и сообщает ей о встрече с советским послом [21. P. 99–100].

Известно, что в результате общей кампании в защиту Сержа, в которой принимали участие очень многие писатели, а не только Р. Роллан[4] и А. Жид, удалось добиться его освобождения и выезда из СССР. В мае 1936 г., накануне поездки Жида в СССР, Серж, вернувшийся в Европу, выразил признательность в открытом письме писателю, опубликованном дважды: в июньском номере журнала «Эспри» на французском языке [24. P. 438–440] и в июльском номере «Бюллетеня оппозиции большевиков-ленинцев» [25. С. 9–11], издававшегося в Париже, на русском. В своем дневнике Серж отметил тогда, что М. Паз опасалась, что публикация может повредить поездке Жида в СССР [26. P. 22], ведь Серж подробно писал о нарушении прав человека в СССР и обращался к писателю с призывом: «Не закрывайте глаз, посмотрите на то, что происходит позади изобретательной и дорого стоящей пропаганды, парадов, шествий, конгрессов...» [25. С. 11].

Слова Сержа не оставили Жида равнодушным, хотя было бы упрощением объяснять историю появления «Возвращения из СССР» только делом Сержа, ведь речь идет о сложной комбинации целого ряда факторов. Советской пропаганде в конце 1936 г. пришлось срочно менять парадный образ Андре Жида–друга СССР. И хотя полпред В.В. Потемкин переправил письмо Жида, написанное во время Первого конгресса И.В. Сталину, в нем в свое время не усмотрели опасности, увлекшись созданием безупречного образа защитника СССР и сторонника коммунизма. И только когда публикация травелога Жида оказалась неотвратимой, письмо подшили к «делу» Жида, покинувшего к тому времени ряды просоветской интеллигенции. Дальнейшее развитие событий лишь продемонстрировало, что советские манипуляции и форсированное создание образа Жида – друга СССР вопреки многим объективным обстоятельствам не смогли стать залогом лояльности французского писателя и, более того, привели к громкому провалу стратегии советской культурной дипломатии в предвоенный период.

Перевод письма Андре Жида[5]
Тов. Потемкину
1 Улица Вано VII – е
Литтре 57 – 19
29 июня 1935 г.
<от руки: т. Сталину>

Господин Посол,

Я вчера обратился с просьбой о свидании с Вами. Если мне и удастся с Вами говорить, я считаю все же целесообразным зафиксировать письменно некоторые пункты из того, что я намерен Вам сказать.

Я не знаю Виктора Сержа. Поэтому, прошу Вас, поймите, что речь идет не о ходатайстве личного порядка. Я не берусь судить о его литературном таланте, который, будь он еще крупнее, здесь ни при чем. Не говорю также о том, что, прежде чем стать советским гражданином, он был французским писателем[6]. Без сомнения, у СССР имелись серьезные основания считать его опасным. Поэтому я ни в какой мере не берусь защищать его или приводить доводы в его пользу. Но надо признаться, что мы были неприятно задеты слабостью мотивировки советской делегации в этом вопросе. Что касается меня, решившего своим вмешательствам внести спокойствие в обсуждение и привести его к концу, я мог сказать одно: в подобном деле наше доверие является[7] наибольшим доказательством нашей любви к СССР.

Принимая во внимание показательное и исключительное значение СССР и все, чем он для нас является, становится неудобным говорить: «Не вмешивайтесь не в свои дела. То, что происходит в СССР, вас не касается». Для многих революционеров Франции и всех стран СССР стал, как Вы знаете, идеальным отечеством. Мы составляем его часть и готовы за него сражаться, если на него будет произведено нападение[8]. Надо дать себе отчет в том, что сама эта любовь, налагая обязательства, предполагает также возможность предъявления известных требований. Нужно, чтобы наиболее горячие и преданные защитники Советского Союза не чувствовали себя морально разоруженными и растерянными, когда речь идет о его защите. Нельзя допустить, чтобы его атаковали, исходя из тех самых принципов, которые сделали его для нас таким близким. Дело Виктора Сержа без сомнения обязано своим значением только той выгоде, которую стараются из него извлечь некоторые оппозиционеры. Но я боюсь, чтобы это дело, раздутое вниманием, которое ему уделяется, не объединило бы вокруг себя, вследствие возбужденных им страстей, и не взволновало[9] многих интеллектуальных работников всех стран.

Из всего того, что я Вам говорю, господин Посол, не следует, что я претендую на то, чтобы Вам давать указания.

Но, может быть, Советское правительство не отдает себе достаточно отчета в свойственном Западу и постоянно бодрствующем духе критики. Поэтому было бы неосторожно ссылаться только на доверие, как бы велика ни была преданность СССР. Некоторые уточнения о мотивах осуждения Сержа во многом содействовали бы успокоению умов[10].

Что касается лично меня, я слишком пережил дело Дрейфуса, чтобы не видеть опасности в избегании постановки некоторых вопросов, в старании лучше их заглушить, чем дать на них ответ, и тем самым самому себе вредить из-за, как тогда говорили, «уважения к состоявшемуся решению»[11] или решению, которое сочли нужным принять.

Вы поймете, господин Посол, что только моя большая любовь к СССР и делу коммунизма диктует мне это письмо.

Благоволите принять уверения в моем высоком уважении и моих сердечных чувствах.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Тут А. Жид имеет в виду то, что одной из основных составляющих антидрейфусарской кампании был антисемитизм.

[2] Несмотря на обширную западную библиографию о деле Дрейфуса, на русском языке работ, посвященных ему, немного. После переводной книги 1898 г. [11] о процессе вышел сборник статей И.П. Закревского «По делу Дрейфуса» (Санкт-Петербург, 1900), но тираж был арестован цензурным комитетом и уничтожен. Постсоветскими работами на русском языке стали монография Л. Прайсмана [12], статьи М.Ю. Сорокиной [13], М. Бороздина [14] и Д.Е. Крайновой [15].

[3] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 228. Л. 3.

[4] Подробно об этом см. в [5. С. 348–354].

[5] Здесь воспроизводится текст перевода письма А. Жида, сохранившийся в РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 228. Л. 3–4. В текст внесена небольшая орфографическая и пунктуационная правка. На французском языке письмо было опубликовано в [21. P. 97–99]. Сверка перевода на русский язык с французским текстом производилась по этому изданию.

[6] Во французском тексте – «франкоязычным писателем».

[7] Интересно, что здесь и далее, говоря о готовности к сражению за СССР, А. Жид проявляет осторожность и употребляет сослагательное наклонение, а не будущее время. В переводе, таким образом, его высказывания о СССР приобретают категоричность, которой в оригинале нет.

[8] Во французском тексте – «физическое нападение».

[9] В оригинале – «ne ferment», в переводе из фондов РГАНИ – «и не привело в брожение».
[10] Пропущено: «и их сплочению».
[11] Термин из судебной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аросев А. Беседы и встречи в Европе // Октябрь. 1935. № 6. С. 171–181.
2. Pour la défense de la culture: les textes du Congrès international des écrivains, Paris, juin 1935. Sandra Teroni et Wolfgang Klein éd. Dijon : Éd. universitaires de Dijon, 2005. 665 p.
3. Greeman R. Beware of Vegetarian Sharks. M. : Praxis Research and Education Center, 2009. 358 p.
4. Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб. : Академический проект, 2005. 655 с.
5. Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. М. : Эллис Лак, 2008. 672 с.
6. Международный конгресс писателей в защиту культуры. Доклады и выступления / ред. и предисл. И. Луппола; пер. Э. Триоле. М. : Гослитиздат, 1936. 487 с.
7. Aznar Soler M. La estética de la resistencia // I Congreso internacional de escritores para la defensa de la cultura (París, 1935). Tomo I. València : Conselleria de Cultura, Educació i ciència, 1987. 794 с.
8. Международный конгресс защиты культуры. Четвертый и пятый день // Известия. 1935. № 148 (26 июня). С. 1.
9. Итоги конгресса // Литературная газета. 1935. № 36 (30 июня). С. 1.
10. Я.Э. Оборона культуры // Литературная газета. 1935. № 41 (25 июля). С. 3.
11. Дело Дрейфуса, Эстергази и подробное разбирательство процесса Эмиля Золя. Одесса : кн. маг. Я.Х. Шермана, 1898. 130 с.
12. Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн : Александра, 1992. 157 с.
13. Сорокина М.Ю. Дело Дрейфуса: взгляд с Rue de Grenelle // Вестник Еврейского университета: История. Культура. Цивилизация. 2005. № 10 (28). С. 365–432.
14. Бороздин М. «Дело Дрейфуса»: ошибка французских спецслужб» // Исторический журнал. 2007. № 9. С. 94–107.
15. Крайнова Д.Е. «Дело Дрейфуса» // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 225–228.
16. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века. М. : Новое издательство, 2005. 325 с.
17. Гиммельфарб Б.В. Эмиль Золя. Жизнь и творчество. М.; Л. : ГИЗ, 1930. С. 144.
18. Ory P., Sirinelli J.-F. Les intellectuels en France, de l'Affaire Dreyfus à nos jours. Paris : Armand Colin, 1986. 263 p.
19. Эренбург – Бухарину о Парижском конгрессе в защиту культуры // Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов. М. : МФД / Материк, 2005. С. 383.
20. Racine N. Victor Serge. Correspondances d'URSS (1920–1936) // Mil neuf cent. 1990. № 8. С. 73–97.
21. Gide A. Littérature engagée. Textes réunis et présentés par Yvonne Davet. Paris : Gallimard, 1950. 363 p.
22. Charle C. Champ littéraire et champ du pouvoir : Les écrivains et l'Affaire Dreyfus // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1977. № 2. P. 240–264.
23. Conner T. The Dreyfus Affair and the Rise of the French Public Intellectual. Jefferson : McFarland & Company, 2014. 274 p.
24. Lettre de Victor Serge à André Gide // Esprit. 1936. № 45. P. 438–440.
25. Письмо Виктора Серже Андрэ Жиду // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 51. С. 9–11.
26. Serge Victor. Carnets. Arles : Actes Sud, 1985. 180 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 июня 2019 г.

The "Constantly Awakening Critical Spirit" against Soviet Cultural Diplomacy: On André Gide's Letter to the USSR's Ambassador

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 66–71.
DOI: 10.17223/15617793/450/8

Natalia Yu. Kharitonova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: baroccorggu@mail.ru

Keywords: André Gide; French-Soviet relations; Congress for the Defense of Culture of 1935; Trotskyist opposition; Victor Serge; Dreyfus Affair.

The article clarifies circumstances in which in 1935 André Gide wrote his letter in defence of Victor Serge to the Soviet ambassador in Paris. The study is based on the materials of the Congress for the Defense of Culture, the Soviet press of that time and documents from the Russian State Archive of Contemporary History. After the Congress, which took place in 1935 in Paris, Gide converged with the anti-Stalinist opposition in France and Belgium, and welcomed a campaign in support of Victor Serge, a politician and writer who had been a participant in the case of the so-called Zinoviev group and was exiled to Orenburg. The article discusses episodes of criticisms against the lack of freedom in the Soviet Union, carried out by Gaetano Salvemini and Magdeleine Paz, and the reaction of the Soviet participants to them. The main controversy on Serge's case was inscribed in the context of the Dreyfus Affair. It shows that the lines of demarcation between the Soviet delegation and the European writers were shaped by the different attitude towards the State and the Individual. For French writers, the Dreyfus Affair was an ideal paradigm for assessing the entire spectrum of relations between the State and the Writer. The Soviet delegates insisted that the interests of the State and the Revolution are above individual freedom; meanwhile, for the European intellectuals, human rights were a universal value, and there were no excuses for violating them. No one in the Soviet Union could know anything about this important polemic. The Soviet press explained that all attacks by the 'Trotskyists' in the Congress were successfully rejected by the Soviet delegates and did not find any support among Western intellectuals. Moreover, according to the Soviet press, Gide refuted the Opponents' claim and manifested his faith in the USSR. Nevertheless, the victorious Soviet reports hid a much more complex reality. In the Congress, Gide, who got through the Dreyfus Affair with much tension and doubts, related the case of Victor Serge to the scandalous judicial process against the artillery officer. A few days after the Congress, the writer addressed a letter to the USSR's ambassador, in which he protested against the persecution and exile of Victor Serge and lamented the inappropriate response of the Soviet delegates to criticism. Magdeleine Paz and her followers praised Gide's reaction. Starting from that point, contacts with the anti-Stalinists undermined Gide's pro-Soviet attitude which he reflected a year later in his famous book *Return from the USSR*. It supposed an obvious failure of Soviet cultural diplomacy and its strategies. A commented translation into Russian of Gide's letter to the ambassador Potemkin, made in 1935, from the collection of the Russian State Archive of Contemporary History complements the article.

REFERENCES

1. Arosev, A. (1935) Besedy i vstrechi v Evrope [Conversations and Meetings in Europe]. *Oktyabr'*. 6. pp. 171–181.
2. Teroni, S. & Klein, W. (eds) (2005) *Pour la défense de la culture: les textes du Congrès international des écrivains, Paris, juin 1935.* Dijon : Éd. universitaires de Dijon.
3. Greeman, R. (2009) *Beware of Vegetarian Sharks.* Moscow: Praxis Research and Education Center.
4. Fleyshman, L. (2005) *Boris Pasternak i literaturnoe dvizhenie 1930-kh godov* [Boris Pasternak and the Literary Movement of the 1930s]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
5. Frezinskiy, B. (2008) *Pisateli i sovetskie vozhdi* [Writers and Soviet Leaders]. Moscow: Ellis Lak.
6. Luppola, I. (ed.) (1936) *Mezhdunarodnyy kongress pisateley v zashchitu kul'tury. Doklady i vystupleniya* [International Congress of Writers in Defence of Culture. Reports and Speeches]. Translated from French by E. Triole. Moscow: Goslitizdat.
7. Aznar Soler, M. (1987) La estética de la resistencia. *I Congreso internacional de escritores para la defensa de la cultura (París, 1935)*. Tomo I. València: Conselleria de Cultura, Educació i ciència.
8. *Izvestiya*. (1935) Mezhdunarodnyy kongress zashchity kul'tury. Chetvertyy i pyatyy den' [International Congress in Defence of Culture. Days Four and Five]. 148 (26 June). p. 1.
9. *Literaturnaya gazeta*. (1935) Itogi kongressa [Results of the Congress]. 36 (30 June). p. 1.
10. Ya.E. (1935) Oborona kul'tury [Defence of Culture]. *Literaturnaya gazeta*. 41 (25 July). p. 3.
11. Ya.Kh. Sherman's Bookshop. (1898) *Delo Dreyfusa, Estergazi i podrobnoe razbiratel'stvo protsessa Emilya Zolya* [The Dreyfus Affair, Esterhazy and a Detailed Analysis of the Trial by Emil Zola]. Odessa: kn. mag. Ya.Kh. Shermana.
12. Praysman, L. (1992) *Delo Dreyfusa* [The Dreyfus Affair]. Tallinn: Aleksandra.
13. Sorokina, M.Yu. (2005) Delo Dreyfusa: vzglyad s Rue de Grenelle [The Dreyfus Affair: A Look From Rue de Grenelle]. *Vestnik Evreyskogo universiteta: Istoriya. Kul'tura. Tsivilizatsiya.* 10 (28). pp. 365–432.
14. Borozdin, M. (2007) "Delo Dreyfusa": oshibka frantsuzskikh spetssluzhb" [The Dreyfus Affair: An Error by the French Special Services]. *Istoricheskiy zhurnal.* 9. pp. 94–107.
15. Kraynova, D.E. (2007) "Delo Dreyfusa" [The Dreyfus Affair]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. pp. 225–228.
16. Sharl', K. (2005) *Intellektualy vo Frantsii: vtoraya polovina XIX veka* [Intellectuals in France: The Second Half of the 19th Century]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
17. Gimmel'farb, B.V. (1930) *Emil' Zolya. Zhizn' i tvorchestvo* [Emil Zola. Life and Works]. Moscow; Leningrad: GIZ.
18. Ory, P. & Sirinelli, J.-F. (1986) *Les intellectuels en France, de l'Affaire Dreyfus à nos jours.* Paris: Armand Colin.
19. Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) Erenburg – Bukharinu o Parizhskom kongresse v zashchitu kul'tury [Ehrenburg to Bukharin About the Paris Congress in Defence of Culture]. In: *Bol'shaya tsenzura. Pisateli i zhurnalisty v strane Sovetov* [Great Censorship. Writers and Journalists in the Country of Soviets]. Moscow: MFD / Materik.
20. Racine, N. (1990) Victor Serge. Correspondances d'URSS (1920–1936). *Mil neuf cent.* 8. pp. 73–97.
21. Gide, A. (1950) *Littérature engagée. Textes réunis et présentés par Yvonne Davet.* Paris: Gallimard.
22. Charle, C. (1977) Champ littéraire et champ du pouvoir: les écrivains et l'Affaire Dreyfus. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 2. pp. 240–264. DOI: 10.3406/ahess.1977.293814
23. Conner, T. (2014) *The Dreyfus Affair and the Rise of the French Public Intellectual.* Jefferson: McFarland & Company, 274 p.
24. *Esprit*. (1936) Lettre de Victor Serge à André Gide. 45. pp. 438–440.
25. *Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev).* (1936) Pis'mo Viktora Serzhe Andre Zhidu [Letter From Victor Serge to Andre Gide]. 51. pp. 9–11.
26. Serge, V. (1985) *Carnets*. Arles: Actes Sud.

Received: 15 June 2019